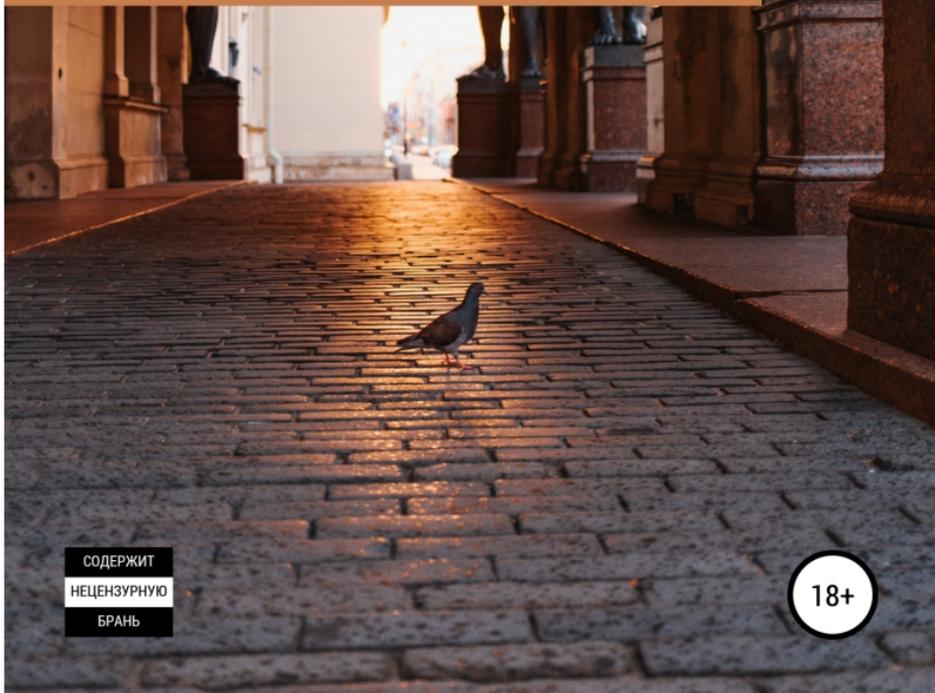

Юлиан Климович

Город, в котором солнце светит только ночью

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлиан Климович
Город, в котором солнце
светит только ночью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66836368

SelfPub; 2021

Аннотация

Недалекое будущее. Место действия Россия, или вернее то, что от нее осталось. Отец, который боится потерять единственного сына на войне с Кавказским эмиратом, вербуетея в армию, и попадает под Астрахань на линию фронта, где воюет его сын.

Содержит нецензурную брань.

Юлиан Климович

Город, в котором солнце светит только ночью

I

Холодный ветер с Большой Невки кидает в лицо мокрый снег. Хочется побыстрее проскочить пустынную площадь, предваряющую въезд на Гренадерский мост. Я иду пить пиво со своим старым другом. Накануне мы договорились на компромиссный вариант: сегодня я еду к нему на “Выборгскую” и мы забираемся в одну из многочисленных пирожковых, гнездящихся на первых этажах тамошних офисных центров, а в следующий раз он едет ко мне на Просвет. Вообще от станции метро “Выборгская” до шалмана, где мы встречаемся, совсем недалеко, каких-то пятнадцать минут ходьбы, но сейчас, в конце декабря, этот путь кажется бесконечным.

Воскресенье, двенадцать часов дня. Сумеречный свет нехотя показывает окружающий мир. Сквозь снег все кажется расплывчатым и нечетким. Редкие прохожие, втянув головы в плечи, спешат добраться до заветных дверей, за которыми их ждет тепло. Большинство питейных заведений закрыты, что и не удивительно, ведь этот район всегда считался малозаселенным. Небольшое количество жилых домов слабо разбавляет плотную конгломерацию офисно-промыш-

ленных зданий и сооружений. С дореволюционных времен здесь остались две православные церкви, остальные разрушили в советское время. Сейчас обе действуют. В одной, видимо, недавно закончилась служба, несколько мужиков пятась и истово крестясь, вывалились из высокой двери. Последний раз освятив себя крестным знаменем, они надели шапки и как все прочие случайные прохожие, втянув головы в плечи, засеменили в сторону ближайшего открытого шалмана. Мне уже совсем не хотелось идти пить пиво. Я настолько замерз, что представлял себе только горячий душ и несколько рюмок водки с соленым огурцом, но тут в ухе раздался сигнал входящего звонка. Смартфон голосом популярной ведущей новостей сообщил, что звонит Вадька и поинтересовался вывести ли видеозвонок на очки, или ограничиться аудиозвонком. “Выведи на очки”, – приказал я электронному помощнику и остановился, чтобы не упасть на неровном тротуаре покрытом мокрым снегом напоминающем сейчас больше скользкую массу наподобие сливочного масла. Снег налипал на внешнюю поверхность очков отчего я начал плохо видеть окружающий мир. “После сеанса сниму, все равно толку никакого. Как лучше пройти я уже понял”. Зеленая полупрозрачная схема маршрута от метро до пирожковой исчезла, и на линзах появилось жизнерадостное Вадькино лицо. Я поднял левую руку со смарт-часами ближе к лицу, чтобы он меня тоже увидел. Вадька снял свои очки, положил их на стол, переключил камеру на внешнюю и теперь весело

смотрел на меня сверху вниз.

– Привет! Ты где запропастился? – Он протянул куда-то вправо руку и как фокусник достает кролика из шляпы, вытащил кружку пива. – Как видишь я уже начал. – Вадька сделал глоток, сладко зажмурился. – Жигулевское, – удовлетворенно констатировал он, и в подтверждение покивал себе.

– Привет. Я уже близко. Через пять минут буду, – ответил я и отключился.

Стоять на ветру в пяти минутах от шалмана и разговаривать о пиве, было бы верхом глупости с моей стороны.

Парочка пирожковых светилась окнами. В той что подальше сидел Вадька. Дверь открылась с тугим сопротивлением, прикрепленный над ней колокольчик коротко звякнул. Ворвавшийся со мной снег жадно влетел, и, упав на пол, тут же растаял. “И зачем тебе это было нужно?” – подумал я обращаясь к снегу, взглянув на мокрые пятна.

– Старик, иди сюда, – поднялся из-за стола мне навстречу Вадька.

Мы обнялись.

– Сколько мы уже не виделись? – Вадька, держа меня за плечи, отодвинулся назад и стал оценивающе рассматривать.

– Лет пять-шесть, однако, – поддерживая его шутейный настрой, ответил я.

– Сколько лет, сколько зим...

– Да, однако много прошло и зим, и лет, – опять подтвердил я. – Ладно, хорош кривляться, давай пиво пить, – пре-

рвал я наконец его приветственное вступление.

Зная Вадьку со студенческой скамьи, я мог смело остановить его выступление на полуслове не боясь, что он обидится. Его внешний вид резко контрастировал с характером. Будучи высоким, и физически развитым, с низким командным голосом и резкими чертами лица, нрав он имел легкий и отходчивый. Он мог менять свое мнение по ходу беседы раз по десять, в зависимости от продолжительности разговора. Но это не было конформизмом в чистом виде, просто он с готовностью шел за умозаключениями собеседника, находя в них внутреннюю логику даже тогда, когда сам собеседник уже терял нить рассуждений и запутывался. Это походило на прогулку заблудившегося отца с пятилетним сыном. На самом деле это говорило только об одном: ему совершенно не интересны те темы, о которых рассуждают с умным видом его друзья и приятели, а интересно живое человеческое общение. Ради общения он мог поддерживать любые темы разговора, и это становилось совершенно понятно, когда речь заходила об операторской работе. Тогда Вадька превращался в жесткого бескомпромиссного знатока, со своим мнением, которого уже невозможно остановить и переубедить. Он начинал доказывать, рассказывать про экспрессию, композицию, освещение и еще бог знает о чем. Собеседнику оставалось в свою очередь только слушать и поддакивать, как только что Вадька слушал и поддакивал на темы, далекие от его сознания. Немало объективов, цифровых и антиквар-

ных аналоговых камер с кучей всевозможных характеристик хранилось у него дома. Обо всем этом он рассказывал с такой любовью, что я никогда не понимал, что для него кинокамера: жена, религия, или что-то среднее.

– Как дела? – Вадька поднял кружку пива и в несколько глотков осушил ее.

– Отлично. Как тут наливают пиво?

– Любезный, – громко обратился он к продавцу, стоящему за стойкой, – дай четыре кружечки “жигулевского”.

– И воблы штучки четыре, – добавил я.

Округлый розовощекий мужик с окладистой бородой, проигнорировав мою просьбу, лениво подошел к пивной колонке и стал наполнять пивные кружки. Его отягощение от работы, казалось, передалось струе пива, которая, пенясь тонкой ниткой, нехотя изливалась из блестящего крана. Снег продолжал свои бессмысленные наскоки на обширное, от пола до потолка, грязноватое стекло, отделяющее нас от Большого Сампсониевского.

– Ну, рассказывай, как у тебя дела? – Вадька сел за столик, крепко взялся за кружку и уставился на меня. – Чего молчишь? Рассказывай. – Прихлебнув, он посмотрел на меня вопросительно-поощряюще.

– Все нормально, если не считать, что Мишку забирают в армию.

– Но говорят же, что это хорошо, отдать жизнь за Родину, – Вадька ухмыльнулся, – но сразу серьезно добавил, –

извини, дурацкая шутка.

– Говорят, в Москве кур доят, – ответил я зло.

– Ладно, Михалыч, ты, шуток не понимаешь? Я же извинился.

– Таких не понимаю. Мне совершенно непонятно зачем отдавать жизнь за какую-то эфемерную “Родину”. Тем более в молодости. Молодые должны строить дома своим семьям, рожать детей, а не гореть в ржавых танках, не тонуть в развороченных допотопных подводных лодках, не запускать протекающие гептилом ракеты.

– Но ты же знаешь, что чем раньше ты отправишься на Небеса, тем быстрее ты сможешь помогать оставшимся здесь.

– Ты-то хотя бы не повторяй этот агитационный бред.

– Слушай, может он и агитационный, но ведь не бред же. Культ предков существовал везде и всегда, поэтому доля правды в этом есть.

– Не знаю я ни о какой “доле” пока нет фактов, подтвержденных научно, – парировал я. – Но и потом, каким потомкам будет помогать с небес, не дай Бог, мой Мишка, у которого сейчас и девушки-то нет?

– Вам будет.

– Вадька, ты дурак?

– Ладно, извини, правда что-то не выспался сегодня, голова дурная. – Вадька смущенно хлебнул из кружки.

Бармен крикнул мне забрать пиво. Я поднялся и взял че-

тыре выставленные кружки. Воблы мужик так и не дал, хотя в меню она обозначалась в самом начале.

– Вобла где? – тяжело спросил я.

– Кончилась, – лаконично ответил он и отвернулся к узкой длинной печке, на которой обычно жарят пирожки, и стал скребком отдирать подгоревшие куски теста.

– Тогда вычеркни из меню, – не унимался я.

Спина мужика красноречиво говорила куда мне идти. Я не на шутку рассердился и хотел уже запустить в него этим долбаным меню, но подскочивший Вадька перехватил у меня пару кружек и подтолкнул в сторону столика.

– Не связывайся, что ты в самом деле завелся, – проговорил он присев на свое место.

– Я не понимаю почему мой сын должен идти воевать и отдавать если не жизнь, то здоровье за страну, в которой такие вот уроды совершенно спокойно живут, занимаются бизнесом и не думают ни за какую родину воевать, тем более погибать? Ответь мне пожалуйста.

– Михалыч, понимаешь, – проникновенно начал Вадька, – пропаганда сильна тем, что она массова и тотальна. Дело не в твоём Мишке, и не в нас с тобой, дело в устройстве общества. Оно таково, что требует жертвоприношений. Одни страны развиваются, увеличивая интеллектуальный потенциал, а другие пытаются остановить время, наращивая военный. У нас все строится на силе, ты же знаешь.

– Капитан очевидность, – я в несколько больших глотков

осушил кружку. – Ты лучше скажи что делать, куда бежать?

– Ну сейчас много людей желающих отдать жизнь за Родину, недостатка пока нет, поэтому попробуй устроить Мишку в универ, только там есть военная кафедра. Закончит универ, пять лет оттрубит где-нибудь на восточной границе старлеем и свободен. На войну на Кавказ не отправят, а с Китаем у нас мир да любовь, дальше Уральских гор они уже не попрут, им еще лет сто переваривать, то что они под шумок отхватили. Сам посуди: наши восточные территории, вся Средняя Азия, – Вадька загибал пальцы, подсчитывая количество государств и их частей захваченных Китаем в ходе “Великого расширения Поднебесной”, – им еще осваивать и ассимилировать их. Они же никуда не торопятся. Поэтому лучший вариант для Мишки – это универ, – подбил итог Вадька.

– Наверное, ты прав. – Вывод был совершенно очевидным, но я хотел, чтобы Вадька сам его произнес, тогда у меня получится задать ему главный вопрос напрямую, ради которого я и затеял встречу со старым другом. – Твоя Маринка поможет при поступлении? – Я с надеждой смотрю на Вадьку. Его жена работает на истфаке универа и имеет знакомства с разными людьми.

– Поможем, чем сможем, Михалыч, – он кивнул, – не переживай, придумаем что-нибудь, главное пусть школу хорошо закончит. Он у тебя ведь отличник?

– Почти что.

– Вот и хорошо, – констатировал Вадька. – А ты помнишь... – завел он свои обычные разговоры про светлое студенческое прошлое.

II

На обратном пути я решил сделать небольшой крюк и зашел в церковь на углу улицы Смолячкова и Большого Сампсониевского проспекта. В церкви поставил свечку Николаю Угоднику за поступление сына в университет. Вторую свечку, поставил, как принято, за упокой умерших родителей, бабушек-дедушек. Огромный позолоченный крест с распятым Богом отражал множество маленьких огоньков от поставленных перед ним свечей. Возле креста толпились прихожане. В других пределах людей почти не было. С тех пор как в стране в рамках традиционного православия развился культ умерших, многое изменилось. Согласно верованиям, после смерти души наших ближайших родственников остаются среди нас и помогают в земной жизни. Через несколько лет культ принял гипертрофированные формы. Безработица и непрерывные локальные конфликты сделали свое дело: народу стало проще отдать жизнь на поле боя, веря, что после смерти они смогут помочь своим родным, чем тянуть ляжку беспросветной земной жизни. Люди массово стали замечать знаки присутствия душ умерших рядом. Любые удачи и неудачи начали списывать на результат действия усопших. Погибшие в результате каких-либо военных действий ста-

ли считаться более могущественными, чем те, кто ушел по естественной причине, причем души павших с оружием в руках считаются самыми могущественными. Наша история верований сделала странную петлю, вернувшись к варяжской версии почитания войны. Теперь везде говорили о воинской доблести. В школах устроили уголки воинской славы, в которых рассказывалось о выпускниках этих школ, сложивших голову за Родину. Надо сказать, что большинство людей истово верит во все это. Я тоже, но есть огромное “но”, я считаю, что созидание – правильный путь. Как ни парадоксально, я уверен, что война удел если не трусов, так людей без выдержки, тех, кому не хватает мужества жить в серой рутине будней до предсказуемо бесславной кончины в домашней постели с застиранным бельем и продавленным матрасом при участии, в лучшем случае, одного-двух детей, в худшем, в полном одиночестве за линялой ширмой дома престарелых. Так у нас нынче в Святой Руси обычно заканчивается тяжелый земной путь большинства народонаселения.

III

– Давно меня ждешь? – я зябко поежился, зайдя с Невского в фойе станции метро “Маяковская”.

Люди забежали с улицы, отряхивали с себя и зонтов мокрый снег, рылись в карманах в поисках карточек для проезда. Кто-то снимал шапку, кто-то перчатки, кто-то клал их в карман, кто-то в сумку, кто-то протирал заснеженные лин-

зы смарт-очков, кто-то сразу начинал копаться в смартфоне. Людской поток втягивался на бегущие вниз дорожки эскалаторов, теплый воздух живенько поднимался навстречу, шевеля волосы мужчин и платки женщин.

– Давно, минут двадцать уже. Звонила раз десять, но телефон у тебя отключен. Миш, так нельзя это ты должен ждать, а я опаздывать.

– Так почему же ты не опаздываешь?

Лена нахмурилась. Поняв, что перегнул палку, я стал оправдываться.

– Леноч, просто мать задержала, поэтому и опоздал, на зарядку не обратил внимания, вот телефон и сел. Прости пожалуйста, – я упал на одно колено, правую руку прижал к сердцу в знак глубочайшего раскаяния, вторую просяще протянул к ней. Лена засмеялась и в ответ подала мне руку для поцелуя. Нежно взяв, я начал целовать ее длинные красивые пальцы. Она одернула руку и покраснела, быстро огляделась по сторонам. Проходящий мимо парень улыбнулся и подмигнул нам в знак одобрения. Мы засмеялись, но Лена тут же посерьезнела, и, потянув к себе, заставила меня подняться. Заглянула в глаза.

– Нам надо скорее пожениться. Если тебя заберут в армию, то должен обязательно остаться ребенок.

– Я не пойду в армию.

– Но всех берут. Некоторые не возвращаются.

– Зачем тебе ребенок без отца? Если меня все-таки забере-

рут и я, не дай бог, не вернусь, то ты не сможешь второй раз выйти замуж с ребенком. Сейчас ведь много матерей-одиночек.

– Ты будешь нам помогать даже когда...

– Лен, я не хочу ни на какую войну, я хочу быть с тобой.

– Каждый мужчина должен отдать долг Родине. Миша, не мы это придумали, не нам и отменять.

– Что за долг, откуда он взялся? Я ни у кого займы ничего не брал. Отец с матерью платят за все дополнительные предметы, без которых не поступить ни в один из трех гребанных институтов. Лен, я хочу просто жить и работать и ни от кого не зависеть...

– Мишенька, давай не будем ссориться. – Лена взяла меня под руку. – Пойдем скорее, а то опоздаем.

Мы шли в клуб “Соловецкий монах” на концерт православной рок-группы. В последнее время рок-группы стали очень популярны среди старших школьников. Ренессанс этого старого музыкального течения в России произошел как бы в противовес расцвета mindpower music на “загнивающем” Западе. МРМ, как его все кратко называют, абсолютно новое направление создания музыки группой людей, которое возникло благодаря технологической возможности формирования мелодики, ритма, тембра и т.д. путем дистанционного считывания и суммирования ментального представления участвующих о звучании композиции. Это акт совместного творчества, когда музыка каждого складывается, входит

в резонанс с другими, оформляясь в уникальное звучание. У нас это направление сразу же окрестили “музыкой бездуховной псевдодемократии”. В нашей Суверенной сети администраторы пристально следят за появлением записей с МРМ, и сразу удаляют все, что с ней связано. Но даже в нашей СС можно найти лазейки, через которые я несколько раз добирался до записей с таких концертов, хотя в основном мы все достаем через друзей. Самые лучшие концерты, естественно, становятся самыми популярными, мне везет – я нахожу отличные вещи. Но Лене нравится древняя дичь в виде православного рока. На концерте мы должны встретиться с нашими одноклассниками, которые любят тусоваться на такого рода мероприятиях. Некоторые из них также как и я серьезно увлекаются mindpower music. На наших смартфонах лежат десятки часов этой музыки. На самом деле, это целая субкультура, с помощью которой мы узнаем про актуальные течения молодежной жизни за границей. Правда из-за технологической разницы многое нам не доступно. МРМ – это только малая часть всего того интересного, что сегодня есть на Западе. Конечно, мы обмениваемся, обсуждаем, не афишируя увлечение ни в школе, ни дома, но главная ценность МРМ – это соучастие в создании музыки. Несколько месяцев назад я увлекся идеей устройства МРМ-квартирников. Сколотил костяк из трех школьных друзей, также бредящих mindpower music. Через нашего одноклассника, папу которого часто выпускают за границу, мы достали необходимое

оборудование. Это было самое простое и дешевое оборудование для начинающих. Программное обеспечение на границе удалили таможенники, поэтому нам пришлось его долго искать через разных знакомых. Репетируем пока вчетвером и у нас плоховато получается, но это только начало. Главное нам удалось открыть форточку, через которую можно видеть мир и теперь мы имеем возможность дышать воздухом свободы, как бы патетически это не звучало.

– Лен, я уже оглох от грохота, давай двигаться домой, – предложил я допив пиво из картонного стакана.

– Мишуля, самый драйв пошел, – обидчиво надула губы Лена. – И ребята еще не собираются уходить.

– Как хочешь, а я двинул в сторону дома.

Бросив свой стаканчик под ноги, где уже лежал ковер из смятых и затоптанных стаканов, на прощание я пожал всем руки и попытался поцеловать Лену в губы, но она отвернулась. Опять обиделась. Лена очень красивая девчонка, но неизбалованная и не капризная, видимо, потому что из многодетной семьи. Это она просто сейчас так мстила за мое опоздание. Все верно, я опоздал, но нельзя же за это вечно мной понукать. Я два часа честно делал вид, что тащусь от концерта. Моя епитимья выполнена, грех искуплен, теперь можно и домой. Виталька и Леха тоже собрались ехать со мной. Мы уже выходили из зала, когда нас догнала Лена.

– Стой! Я с тобой поеду.

Уже без тени обиды или чего-то подобного из женского

арсенала, она взяла меня под руку, и мы пошли к гардеробу. Леха пальцами нащелкивал какой-то ритм и неслышно подпевал себе. Долговязый, как всегда улыбающийся, Леха шел впереди своей обычной размашистой походкой. Его удивительная способность постоянно находиться в хорошем расположении духа, не опускать свой чуть вздернутый нос и никогда не проваливаться в бездну уныния, всецело искупала запах его грязных носков, который начинал атаковать, как только он снимал обувь, что являлось следствием абсолютного Лехиногo безразличия к физической составляющей его сущности.

– Леха, че ты там изображаешь? – Виталька шел рядом и смотрел как Леха ногами и руками оркеструет какую-то мелодию.

– Все путем, Вит, он генерит вектор, – успокоил я, и приобнял Лену. – Леха еще прославит нас и весь наш город. После ухода в небытие “Ленинградского рок-клуба” здесь совершенно потеряли способность создавать музыкальные смыслы.

– Господи, как пафосно, Миш, – фыркнула Лена.

Она надела беличью шубку. В противовес западным технологиям в “наших палестинах” вошла в моду одежда из натурального меха. Всевозможные белки, лисы и волки служили отличной сырьевой базой для скорняков-модельеров. “Возврат к корням” популяризировался в СС и по телевизору. Провинциальная молодежь с удовольствием носила ко-

соворотки, сарафаны, полушубки. Но дальше этого мода нигде не пошла. В Москве и Питере оказались востребованы вообще только женские шубы.

Попрощавшись с ребятами возле Просвета, мы с Леной пошли к ее дому.

– О чем ты думаешь? – тихо спросила Лена.

– Так ни о чем.

На самом деле я мучился вопросом как и где устроить квартирник. Наш первый с ребятами квартирник. Лене не очень нравится мое увлечение, поэтому я не люблю с ней делиться планами, которые касаются нашей МРМ-группы.

– Врешь, опять про группу свою думаешь, – Лена природной женской пронизательностью считала меня на раз-два. – Зря вы это затеяли, Миш. Я слышала, что за это отправляют в трудовые лагеря, а семью подвергают общественному порицанию. А из трудлагов, ты же знаешь, мало кто возвращается.

Лена вдруг заплакала, трогательно вытирая слезы ладошкой. Она сразу стала похожа на маленькую беззащитную девочку.

– Что ты, Лен, – я притянул ее к себе, и стал целовать.

IV

– Где ты шляешься? – Отец рвал и метал. – Ты пил?

Он подошел, и заглядывая в глаза, потребовал дыхнуть на него. Я дыхнул. Сжав кулаки, отец в упор смотрел на меня

и тяжело дышал.

– Ты знаешь, что на южной границе начался конфликт с Кавказским эмиратом? Знаешь, что теперь всех гребут на фронт? Знаешь, что тебе туда прямая дорога, если не поступишь в институт с военной кафедрой? Ты, дурак, единственный наш ребенок.

– Я не ребенок... – Моя фраза повисает в воздухе, отец останавливается, смотрит на меня с непониманием, затем продолжает.

– Что нам делать, если тебя, не дай Бог, убьют? Ты о нас думаешь? Мать вся извелась, меньше полугода до вступительных экзаменов осталось, а ты и в ус не дуешь. – Отец в бешенстве ходит по нашей тесной прихожей: два шага от стены до стены. – Я сегодня говорил с дядей Вадимом. Он обещал помочь с поступлением в университет. Ты понимаешь, что от предстоящих шести месяцев зависит вся твоя последующая жизнь?

– Пап, я все понимаю. Не переживай ты так, я все сделаю: закончу школу, поступлю в универ. Все будет хорошо.

Я стал разуваться. Отец отодвинулся ближе к входу в зал и теперь наблюдал за мной.

– Ты зачем пил?

– Да чего я там пил – литр пива. Всех дел-то.

– Я в твоём возрасте столько не пил.

– Ладно заливать, пап. Дядя Вадим рассказывал, как вы гуляли на первом курсе.

– Слушай ты больше дядю Вадима, он еще не такое расскажет. Ладно, иди на кухню, там мама тебя покормит.

Мама сидела за столом зябко закутавшись в старый шерстяной платок. На голове простая белая косынка, никакой косметики на лице. Рядом с ней стояла полная тарелка с горячим овощным рагу, от которого поднимался пар. Дома стало прохладно после того, как в целях экономии снизили температуру центрального отопления. Я сел за стол, она пододвинула мне еду и подала вилку.

– Ешь, сынок. – Помолчала, наблюдая как я жадно орудую вилкой, и добавила, – не расстраивай ты нас с отцом.

Я люблю маму. Только мне бывает ее немного жалко. Рано состарившаяся на вредном производстве, она тяжело переживает свое прощание с молодостью и красотой. Она борется за нее всеми скудными средствами, которые может себе позволить, но ее зарплаты мастера гальванического цеха, да отцовской зарплаты преподавателя техникума едва хватает на жизнь без излишеств. Родители особо никогда и ничем не увлекались, живя тихой размеренной жизнью от отпуска до отпуска на даче. Когда еще был жив дедушка по отцу, мы частенько ездили к нему в гости, но после его смерти квартира по наследству отошла моему дяде, отцовскому старшему брату, семья которого жила вместе с дедом, а нам досталась небольшая дача. Вскоре наши семьи, никогда по-настоящему не дружившие, перестали общаться вовсе. Интересы мамы замыкались исключительно на нас с отцом. У нее боль-

ше никого не было. Бабушка, мамина мама, умерла десять лет назад, успев отправить меня в первый класс. Дед ушел от нее, когда маме исполнилось два годика. Она больше не вышла замуж, посвятив всю оставшуюся жизнь дочери. Бабушка это единственный человек, кроме отца и матери, которая любила меня искренне и беззаветно. Я плохо ее помню, но сейчас бабушкин образ стал как-то для меня постепенно проступать в маминых чертах, делая ее еще более дорогой и любимой, хотя казалось бы куда еще дороже. И вот мамина фраза: “Ешь, сынок”, очень похожа по интонации, по тому чувству, с которым она ее произносит, на бабушкины слова, когда она кормила меня на своей маленькой кухоньке.

– Как Лена?

В отличие от папы, мама очень хорошо ориентировалась в моих делах. Она знала всех друзей, чем они занимаются, из каких семей. Вообще я успел заметить, что женщины любого возраста уделяют этим вопросам самое пристальное внимание. Лена тоже подробно спрашивает и о моих родителях, и о друзьях, которых она не знает лично. Один раз я задал вопрос для чего ей надо знать все то, о чем она спрашивает, но вразумительного ответа, кроме: “интересно же”, я не получил. Больше я не предпринимал попыток понять зачем это надо, иногда отвечая, а чаще отмахиваясь от ее вопросов.

– Все нормально, мам.

Вот, опять же, непонятно зачем ей эта информация. Скажу я, что с Леной плохо, все плохо или все очень хорошо, в

моих взаимоотношениях с ней ничего не изменится. Какой практический смысл в этом вопросе?

– Она девушка хорошая, – мама внимательно смотрела на меня и ждала реакции на свои слова.

– Хорошая, – кивнул я в ответ.

– Лена даже постится. Молодец. Вы, молодежь, ведь совсем святого писания не блюдете, а Лена вот посты держит, в церковь ходит, причащается. Такая жена тебе и нужна. – Наконец мама высказала ту мысль, ради которой она и завела весь этот разговор.

– Мам, я же еще школу не закончил. Какая женитьба?

– Сынок, слышал, что отец сказал? Война с Кавказом началась, если в университет не поступишь, заберут тебя. Сколько там воевать придется одному Богу ведомо. – Мама тяжело вздохнула. Помолчала, и продолжила. – А так женись, Леночка нам внука или внучку родит, пока ты там ба-сурман бить будешь. А мы их прокормим, ты же знаешь. Что нам еще в этой жизни делать? Молиться, да смерти ждать, а так радость появится.

– Мам, я не собираюсь жениться. Лена хорошая, я ее люблю, но долго ли эта любовь проживет...

– Сынок, ты сейчас глупость говоришь. – Она сказала это мягко, но с такой внутренней убежденностью, что я ей на мгновение поверил. – Мы с твоим отцом поженились в девятнадцать лет и живем душа в душу до сих пор. Любовь, если она настоящая, никогда не умрет. Любовь к детям, Бо-

гу никогда не может пройти. И ваша с Леной любовь настоящая, вы созданы друг для друга.

– А если нет любви к Богу? – я внимательно посмотрел маме в глаза.

Она испуганно перекрестилась.

– Ты что такое говоришь, Михаил? – Первый испуг прошел, уступив место возмущению. – Такую глупость сказать, это надо же догадаться! Вот бабушка сейчас, наверное, слушает тебя и негодует. Разве можно так думать, тем более говорить? Прости, Господи. – Она снова перекрестилась. Все, иди спать, завтра в школу.

Я встал и пошел в свою комнату. Долго ворочаясь в постели, я думал о родителях. Почему такая вера в Бога у мамы, да и у отца тоже? Лет десять назад у нас в доме стояла только одна иконка на полочке в книжном шкафу. Все началось сразу после смерти бабушки. Видимо, родители неожиданно осознали, что их жизнь конечна. Кроме всего прочего по телевизору и в СС постоянно транслировались религиозные передачи, где православные батюшки проповедовали населению Слово Божие. Мы все растем и живем с заповедями Господа нашего Иисуса Христа. В принципе, я согласен с тем, что говорится в Евангелие, но мне совершенно не нравится смирение. Дух бунтарства присущ молодым поколениям в любые времена, поэтому смирение для нас непонятно и противоестественно. Многие из сверстников готовы сражаться за Веру и Отечество, они готовы умереть, но не

смириться с тем, что исконно-русские земли Кавказа, Сибири и Дальнего Востока топчет сапог врага. Честно говоря, лично мне нет никакого дела до когда-то наших земель, Веры, Отечества, я хочу участвовать в создании МРМ. Я хочу создавать, а не разрушать, но нас везде учат, что любовь к Богу, Родине – это готовность умереть за них, а значит готовность убить всех, кто их не любит. Поэтому все религиозные разговоры мне не интересны, а любовь к Родине я вижу в стремлении прославить ее в сфере далекой от насилия. С такими мыслями я заснул.

V

– Мы же договорились – ты все будешь отрицать! – Лена почти кричала. – Зачем ты сказал, что занимаешься МРМ? Ты знаешь ЧТО сейчас за это бывает! И Леха и Виталик от всего открестились. Тебе больше всех надо?

– Лен..., – я пытаюсь вставить слово, но она не хочет ничего слушать.

Лена рыдает, у нее истерика. Ее отчаяние отключило все остальные эмоции и рассудок. Она расценила мое признание школьной комиссии в увлечении МРМ как предательство. Я разворачиваюсь и ухожу.

Пару месяцев назад на одной из ТВ проповедей Патриарх объявил mindpower music бесовским увлечением и предал анафеме всех, кто не только участвует, но и просто слушает. Началась общерусская кампания по борьбе с МРМ.

Конечно, случилось все в самый неподходящий момент – накануне выпускных госэкзаменов. Кто-то из парней сдал всю группу, когда директриса стала искать среди старшеклассников адептов чуждой нам западной музыки. Зная мой характер, Лена просила, умоляла не сознаваться в участии в подпольных музыкальных проектах, но я все-таки поступил по-своему. Леху и Витальку ввиду их “конструктивного сотрудничества со следствием”, как назвала это директриса, они дружно показали на меня, как на организатора, что было правдой, простили и допустили до экзаменов, а мне решили устроить показательную порку. Теперь меня отчисляют из школы без аттестата, что означает одно – “волчий билет”. Я не смогу больше никуда поступить учиться, не смогу устроиться на работу, где требуется хотя бы среднее образование, единственный способ “выскочить за флажки” – это искупить принародным раскаянием свой проступок, или отдать жизнь за Родину на поле сражения. Так у нас наказывают способ избавиться от чуждого элемента, вроде бы не казнят, не вешают, голову не рубят, просто выкидывают из жизни как окурок. Я кое-что читал из литературы советского периода, чтобы понять как это близко по духу времени “застоя”. Также как тогда, самых неустроенных, самых асоциальных членов общества отправляют умирать на войну. Вся лишь разница, что сейчас в подавляющем большинстве на смерть идут с охотой. Это выдающееся достижение современного режима, которое кардинально отличает его от

“брежневской эпохи”. Сегодня большинство населения верит, верит искренне, с надрывной надеждой на обязательное избавление и райское вознаграждение за земные страдания, и на возможность “оттуда” помогать оставшимся здесь.

В свое время мне достаточно было бы пойти в церковный хор, чтобы сейчас не стать жертвой антиМРМ-кампании. На худой конец, меня послали бы на войну в качестве фронтового батюшки, что в принципе гарантирует сытую безопасную жизнь пусть в неглубоком, но тылу, и дальнейшую полную реабилитацию. Но отец воспитал меня по-другому. Я не терплю, когда на меня давят, и я не люблю приспособляться под обстоятельства. И я никогда не изменю себе.

VI

Выйдя на крыльцо военкомата, я уже привычно закурил. Июнь выдался дождливым. Низкие серые тучи источали мелкий дождь на залитые водой тротуары. Кусты в палисаднике возле входа искрились от яркого электрического света бурным потоком изливающегося из комнаты начальника военкомата. Я стоял в тени козырька. Синий дым сигареты во влажном воздухе был особенно вкусным. После спертого воздуха казенного дома, я наслаждался запахом воды и табака.

В повестке, которая лежала у меня в заднем кармане джинсов, значилась в/ч 14118, дислоцированная в Астраханской губернии. Я достал смартфон и яндекснул инфу о

ней. На военных новостных агрегаторах говорилось, что это наиболее боеспособная воинская часть на наших южных рубежах, что ее доблестные солдаты и офицеры бесстрашно сражаются с полчищами исламских фанатиков Кавказского эмирата, неся небольшие потери в живой силе и технике. В соцсетях удалось нарывать несколько свежих сообщений от родственников раненых солдат, проходящих лечение в госпиталях. Ничего хорошего там сказано не было. Все-таки неоперативно у нас работает охранное ведомство. Частные сообщения, опубликованные еще третьего дня, рассказывали об огромных потерях, которые понесла в составе соединения теперь уже моя в/ч при наступлении на Астрахань. Не взяв города войска отступили. В официальной СС об этом не было ни слова. Позиционная война за Астрахань шла уже полгода. Когда ее сдавали, наши газеты рассказывали о тактическом приеме, призванном завлечь противника вслед за отступающими войсками в “котел” вдоль Волги. Попались ли на эту уловку войска противника наши СМИ не сообщили. Теперь мы пытались вернуться в Астрахань, но сил не хватало. Понимая стратегическую и идеологическую значимость города для обеих воюющих сторон, битва за него разгорелась под стать сталинградской во время Великой Отечественной Войны. Исламисты перебрасывали в город сотни и тысячи шахидов со всего Ближнего Востока, Северной Африки и Европы. Великая Булгария тоже по-тихому помогала Кавказскому эмирату добровольцами и деньгами. Зажатая меж-

ду Китаем по Уральским горам и реке Урал с востока, Россией по Волге на западе, и до самого Удмуртского ханства на севере, Великой Булгарии приходилось сложно, но спонсируя войну она лелеяла надежду на то, что единоверцы-победители отдадут ей русские области по правому берегу Волги и тогда она обретет протяженный отрезок транзитного коридора из Китая в Европу и плодородные земли для сельского хозяйства. Из-за столкновения интересов приволжских государств положение на астраханском участке южного фронта сложилось тяжелое.

Глубоко затянувшись последний раз, я бросил докуренную до фильтра сигарету в урну, огляделся по сторонам и шагнул под дождь.

Дверь открыла плачущая мама. Отец сидел на кухне за большой кружкой чая и мрачно смотрел перед собой. Я сел напротив. Отец не пошевелился. Он как будто впал в оцепенение. Его чай давно остыл.

– Куда?

– Под Астрахань.

Я попытался заглянуть отцу в глаза в надежде увидеть реакцию, но его лицо осталось непроницаемым. Он поднял кружку, и не донеся ее до рта остановился. Его рука тряслась. Он поставил кружку обратно на стол и убрал руку.

– Там сейчас мясорубка..., – как бы размышляя вслух, произнес он. – Тебе надо быть очень осторожным и осмотрительным, чтобы не погибнуть в первом же бою, – теперь

отец внимательно смотрел на меня. – Ты понимаешь?

– Да, отец.

В этот момент я понял, что уже не могу назвать его простым детским словом “папа”.

– Когда сбор?

– Послезавтра в 6 утра в военкомате.

– Значит еще один свободный день у тебя. Это хорошо... – отец сделал попытку улыбнуться.

Зашла мама. Утирая слезы, начала собирать на стол. Подожгла конфорку под кастрюлькой с тушеным мясом и картошкой.

– Жаль, что с Леной у вас ничего не получилось. Нам с отцом внук или внучка очень нужны. Нам без тебя очень плохо будет. Очень плохо...

Она опять заплакала.

– Мама, ты так говоришь, будто уже похоронила меня.

Из ее заплаканных глаз опять полились слезы. Отец поморщился.

– Зачем ты так говоришь, сынок? – Мама давила слезы. – Просто нам хотелось, что бы вы с Леной поженились после школы, детей завели. Мы же видели, что Лена тоже этого хотела. Теперь все по-другому получилось. Но Господь иначе распорядился. Гордыня тебя обуяла, сынок.

– Это не гордыня, а принципиальность, – произнес отец глядя в окно.

Во дворе нашего огромного старого “корабля” ватага ма-

льшей несмотря на дождь играла в войнушку. Детские крики, заглушаемые шелестом дождя, едва доносились из открытого окна. Влажный воздух, смешиваясь с запахом горящего газа и жаркого, создавал ничем не передаваемое ощущение уюта родительского дома.

Все время с того момента, когда меня выгнали из школы, я ощущал некое чувство вины перед родителями. Я ни секунды не сомневался в своей правоте, и себя не жалел, но вот родители... Теперь уверенность в правильности своего поступка у меня укрепилась. От отцовских слов мне стало легко на душе. Далекая Астрахань, захваченная эмиратом, уже не казалась такой удручающе далекой, а три года службы, которые мне предстоит воевать не такими бесконечными и страшными. В конце концов, мы же можем и взять этот треклятый город, выйти к своей госгранице и закончить наступательную фазу, окопавшись в обороне. Уверенность в благополучном исходе моей службы придавала силы и оптимизма. В самом начале, когда я прочитал адрес воинской части, какой-то самый ничтожно маленький промежуток времени, буквально минуты, мое внутреннее ощущение жизненного пути обрывалось в районе Астрахани. Раз возникнув, это чувство оставило ржавый след в душе, медленно разъедая уверенность в счастливом завтра. Но сейчас слова отца перебили все сомнения, окончательно рассеяв внутреннюю неуверенность.

Ко мне пришла странная мысль, что у каждой семьи есть предназначение, хотя эта мысль и не нова в отношении от-

дельного человека, но вот идея о семейном предназначении оригинальна. В один момент расцветая, когда-то семья увядает, отдав лучшие свои плоды на благо рода человеческого. У Медичи, Романовых, Габсбургов, не говоря уже о разнообразных Ивановых, Сидоровых и Смидах, есть свой Казимо, Петр, Екатерина, блеск которых пресекается или сразу на детях, или чуть позже через одно-два поколения. В нашей семье до сих не было выдающихся людей. Не то чтобы я хочу обязательно стать каким-нибудь таким особенным человеком, но надежду на будущее мне это внушает, может быть даже на светлое будущее.

VII

– Дай зябнуть, – я протянул руку и передал наполовину скуренную сигарету Славяну. Где-то недалеко ухнул взрыв.

– Сто Пятидесяти миллиметровый, – лениво констатировал он, глубоко затягиваясь.

Вторую неделю нас утюжила артиллерия противника. Сентябрь выдался на редкость дождливый. В окопах вода стояла по колено. Ходили слухи, что Великая Булгария поставила Кавказскому эмирату остатки боеприпасов с российских военных складов, которые остались на их территории. Теперь моджахеды не скупясь лупят этими снарядами, минами по нашим позициям день и ночь только с короткими перерывами на намаз. Линии фронта как таковой у нас с ними не существует. Есть системы радиолокации, отслеживающие

перемещения противника вблизи линии соприкосновения, и предупреждающие о приближении. Все наши наземные силы отведены из зоны поражения малокалиберной артиллерии и рассредоточены. Боестолкновения происходят только в периоды наступлений одной из сторон. Сейчас как раз такое время.

– Что думаешь, надолго хватит им этой херни? – Славян бросил бычок под сапог и вдавил его в жидкую глину.

– Черт их знает, сколько там у них снарядов осталось.

– Зачем ты черта поминаешь? – Санек неодобрительно посмотрел на меня. Славян мрачно посмотрел на Санька.

– Я же применительно к ним сказал, – пояснил я.

– Вот сейчас опять, Миха, ты как-то вычурно сказал, – Санек озарился своей коронной улыбкой “в тридцать три зуба”.

Родом он был из рабочего пригорода Екатеринбурга. Когда Поднебесная во время “Второго великого броска на Запад”, как они называли широкомасштабное наступление 2025 года на Западную Сибирь, выбила русских за Волгу, а затем откатилась за Урал, оставив между собой и Святой Русью “санитарный кордон” марионеточной Великой Булгарии, семья Санька бежала с отступающими войсками под Рязань, переполненную беженцами из бывших восточных регионов РФ. Пограничные с Волгой области Святой Руси наводнялись всевозможной военной техникой, превращаясь в протяженные укрепрайоны для отражения нападения войск Великой Булгарии. Эти области становились малопригодны-

ми для нормальной жизни, поэтому беженцы, минуя их, оседали вокруг Москвы, превращая ее в крупнейшую и одну из самых густонаселенных агломераций в мире. Беженцы из Ставропольского и Краснодарского краев предпочитали обосновываться на западе и юге от Москвы, занимаясь привычным для них сельским хозяйством, а другая часть окружья от северо-запада до юго-востока превратилась в крупный промышленный район, где сейчас куется обороноспособность страны.

– Санек, неужели вас не учили в школе русской литературе? Почему некоторые простые слова вызывают у тебя острую идиосинкразию?

– Чего? – Его аж передернуло от моих умствований. – Микха, вот нахрена ты на войну пошел? Такие умники как ты сразу идут в институты, а ты на фронт луканулся. Зачем? Пошел бы в ученые, придумывал бы новое оружие...

Совсем рядом прогремел взрыв снаряда, ударная волна, пройдя над нашими головами, немного колыхнула могучего Санька, не вовремя привставшего посмотреть что делается окрест.

– Тьфу, черт, – в свою очередь чертыхнулся он.

– А ты чего черта поминаешь? – не удержался я. – Только что мне мозг выносил .

– Да видишь, че творят гады басурманские, честного православного на бесовские ругательства толкают. Провоцируют, блин, – произнес он с удовольствием, осенил себя крестом.

ным знамением, затем посмотрел на меня, как бы говоря: “видишь, мы тоже не лыком шиты, тоже можем сказануть”.

Роста он где-то метр восемьдесят пять, и не меньше девяноста килограммов веса. Хорошо накачанный, он играючи крутит пудовую гирию, белозубо улыбаясь при этом, периодически коротким движением головы откидывая светлорусую челку с глаз. В то время, когда наш взвод отводят на перестроение и отдых, он берет свою гирию, которую за чем-то тщательно прячет недалеко от нашего расположения, и крутит ее в спортзале пустующей сельской школы, которая вызывающе блестя целыми стеклами, сиротливо стоит недалеко от нас. Иногда мы со Славяном тоже ходим размяться, и тогда Санек нам устраивает настоящее цирковое представление из программы силачей. Он с такой любовью крутит свою чугунную подругу, с какой только, наверное, обнимал оставленную год назад в Вышгороде молодую жену. Санек несколько раз показывал мне на видео Свету, так ее звали. Она оказалась застенчивой девчушкой в два раза меньше мужа, которая, однако, три месяца назад родила ему дочку. Раз в неделю, как полагается каждому бойцу, мы получаем видеописьмо от родных. Каждый раз Санек с неиссякаемым любопытством и любовью рассматривает дочку, и слушает планы жены “на после”, с которыми он, с присущим ему добродушием, непременно соглашается, молча кивая изображению в телефоне. После он записывает ответное письмо, в котором рассказывает, что жив-здоров, и все у него хорошо.

Большого нам говорить нельзя, да и не хочется.

Через два месяца службы у нас сложилось боевое братство: я, Санек и Славян. Мы все были из одного призыва.

Дружба началась с того, что Санек отдал нам со Славяном все сигареты из первого своего боевого пайка. Обычно некурящие меняют их на что-нибудь нужное, но он сделал это совершенно бескорыстно. В ответ, через неделю мы позвали его выпить водки, которую Славян раздобыл у местных, оставшихся охранять от мародеров свои дома.

– Пацаны, а я все забываю спросить откуда вы? – Санек закусил раскисшим словно сопля соленым огурцом из трехлитровой банки, которую мы нашли вчера в подвале разбомбленного частного дома, и вопросительно посмотрел на нас.

Славян как всегда молчал. Он задумчиво курил после выпитого полстакана.

– Слышь, зема, не обмораживайся, – обратился Санек к нему.

Славян посмотрел на него, затем взглядом показал на меня, что означало: “вот он ответит”. Выпитые полстакана подняли мне настроение, и мне захотелось немного поприкалываться над Саньком.

– Мы из города, в котором солнце бывает только ночью.

– Не, ну пацаны, хватит прикалываться. Че как дети малые? – обиделся он.

Обиделся, конечно, громко сказано. Как потом я узнал,

обидеть Санька было совершенно невозможно по причине отсутствия у него какого-то слишком серьезного отношения к себе, да и ко всему миру тоже. Говорят такое восприятие действительности здорово помогает на войне.

– Мы из Питера.

– А что за херня с солнцем?

Оба смотрели на меня, ожидая пояснений. У Славяна тоже была своя особенность, которая, как оказалось впоследствии, очень востребована на войне – полное отсутствие воображения. Жизнь в рабочем районе научила его сдержанности в проявлении любых чувств. Никогда нельзя было точно знать какие эмоции он в данный момент испытывает. И сейчас он молча ждал ответа, не показывая однако при этом особого интереса.

– Понимаешь, – начал я, – в Питере, как правило, все время идут дожди. Скажи, Славян.

Тот утвердительно кивнул в ответ.

– И только весной, обычно в мае, когда начинаются “белые ночи”, небо проясняется, но бывает это по большей части ночью. Поэтому вот так, понимаешь...

– Прикольно, – засмеялся Санек.

– Похоже, типа, – Славян тоже усмехнулся и налил очередные полстакана.

Так завязалась наша боевая дружба. Совместное времяпрепровождение: сидение под обстрелами, редкие попойки, вылазки на передовую под огнем противника, и даже тягание

гири в тылу на переформировании, располагает к дружбе.

– Славян, а вот ты почему все время молчишь?

Санек завел свое любимое развлечение. Он постоянно подкалывал Славяна. Долговязый, нескладный и молчаливый, Славян служил объектом его постоянных незлых шуток, на которые тот только молча улыбался.

– Почему ты никогда не участвуешь в общем веселье? – Санек опять улыбался и смотрел куда-то в сторону Астрахани. – Чуете, обстрел кончился? Намаз че ли? – Спросил он сам себя. – Славян, посмотри сколько времени.

Усиленное громкоговорителями, далекое пение муэдзина волнами докатывалось до нас. Смутное предчувствие пробежало холодком по спине. Тоска сжала сердце. Моментально все вокруг будто поблекло, силы покинули тело, оставив только бескостную желеобразную плоть, которой невозможно даже пошевелить.

– Восемь, – как всегда коротко ответил тот.

– Вот никак я не пойму этих придурков. Водку пить нельзя, а наркотой себя глушить – это можно. Миха, вот нормальные они?

– Черт их знает, – выдавил я из себя.

– Но неужели не понятно, что если наркотики таким богом не запрещены, то это не настоящий Бог?

– Они так не думают...

В этот момент мы услышали вой крупнокалиберных мин. Почти сразу недалеко ухнули взрывы. Плотность огня го-

ворила о серьезном намерении моджахедов похоронить нас прямо сейчас и без отпевания.

– Всем включить систему видеосопровождения, – раздался в наушнике приказ лейтенанта. – Всем готовиться к отражению атаки после минометного обстрела. Выход из укрытий по получению приказа.

– Че, мужики, примем боевое крещение? – Санек, начал деловито проверять свой автомат.

– Примем, куда ж мы денемся, – ответил я, машинально обхлопывая себя в поисках пачки сигарет, которая никак не находилась. Меня начало потряхивать.

– У тебя кончились еще утром, – Славян протянул мне прикуренную сигарету.

Взяв сигарету, которая заплясала у меня в пальцах, я понял, что боюсь, отчаянно боюсь. Умом понимаю, что стыдно, но справиться с дрожью в руках все никак не могу. Глубоко затянувшись пару раз, я почувствовал, что меня немного отпустило.

– Не мандражируй, Миха, все будет хорошо. Господь сказал: “Познай то, что перед лицом твоим, и то, что скрыто от тебя, – откроется тебе”. – Санек передернул затвор, загнав патрон в патронник, и защелкнул предохранитель. – Сегодня время узнавать и открывать. Свое оружие проверь, не сиди без дела.

Эта Санина деловитость и уверенное спокойствие Славяна, помогли обуздать страх. Паническая атака, накрывшая

меня отступила. “В конце-концов все когда-нибудь умрем, значит надо умереть достойно, если обстоятельства так сложились”. Я года три назад читал “Хагакурэ – сокровище в листве”, вот там эта простая с виду мысль много раз в различных ракурсах повторялась.

– Тебе кто из старших помогает? – Санек закончил приготовления и теперь наблюдал как я проверяю свое оружие.

– Думаю, что в основном бабушка. Она меня очень любила. Других предков я не застал, еще дедушку по отцу, но совсем немного.

– Думаю, что другие тоже внимательно за тобой наблюдают и помогут, если че. Следи за знаками и прислушивайся к внутреннему голосу. Вот мне дед, отцовский отец, помогает. Он долго со мной занимался. Я с ним много молитв разучил. А тебя, Славян, кто учил?

– Никто. – Он тоже приготовил оружие, и теперь сидел внизу окопа на корточках, курил.

– Чего так? – Не унимался Санек.

– Некому было. Отец работал и бухал, мать на двух работах вечно крутилась, а родственников я не знаю.

– Но кто-то тебе ведь помогает, раз ты еще живой?

– Хер его знает..., – Славян безразлично пожал плечами.

– Не сквернословь по этому поводу, – Санек мельком взглянул на Славяна и привстал чтобы посмотреть что там со стороны Астрахани. В этот момент рядом ухнула очередная мина и сразу все стихло, только земля и осколки еще секунд

десять осыпались на землю с глухим звуком.

Со стороны расположения моджахедов послышался многоголосый рев моторов и лязг гусениц. Звук медленно приближался.

= Всем переместиться на боевые позиции, – раздался в наушнике приказ нашего старлея. – Огонь открывать только по моей команде.

Мы вскарабкались на свои места. От противника нас отделял бруствер и широкое, перепаханное взрывами поле. В учебке нам рассказывали, что сегодняшней тип войны, по сравнению с двадцатым веком, сильно изменился, что сегодня, кроме китайцев никто не применяет широкое фронтальное наступление. Но вот моджахеды об этом, видимо, ничего не знали. Или излишек в живой силе, или требования спонсоров об оттеснении русских до Саратова вынуждал их начать массированное наступление.

VIII

– Я завербовался на фронт. Попаду к Мише в часть по контракту. Все согласно условиям должно быть.

Жена не заплакала. Последнее время она не плакала. За последние три месяца она поседела и осунулась. Когда Мишу забрали на фронт, она проплакала все глаза, когда через две недели после этого меня уволили с работы, перестала плакать, а только молчала, молилась перед образами и в свободное время ходила в церковь на службы. Возвращалась

домой и снова молилась. От ее одежды шел сильный запах ладана.

– Я за ним приглядывать буду. Мало ли что...

– Господь тебе поможет и мама моя.

– Помогут. Я сегодня с тобой на вечернюю службу схожу.

IX

– Старший лейтенант Никольцев, выйдите из строя.

Я сделал два шага вперед. Майор посмотрел на меня и приказал: “Назначаетесь командиром группы. Возьмете с собой на задание трех ребят, которых подберете сами. Сейчас получите задание, остальные свободны, – обратился он к моему взводу.

– Какое задание? – Голос мой невольно задрожал, я откашлялся, и уже твердым голосом отчеканил, – так точно, товарищ майор!

Три дня назад при наступлении моджахедов Мишин взвод попал в окружение. Деревня, в которой они отдыхали на перестроении оказалась в тылу наступающих. Теперь они держали оборону. Прошли сутки после того, как ребята последний раз выходили на связь, пока у них не сели все аккумуляторы индивидуальной связи. Наши беспилотники регистрировали возле деревни боестолкновения.

Я не успел встретиться с Мишей. Он знал, что я пошел на фронт контрактником, но даже не подозревал куда. Мне хотелось сделать ему сюрприз, но не получилось. Когда стало

известно, что собирают группу для вывода ребят из окружения, я сделал все, чтобы в нее попасть.

Майор присел на какое-то бревно и знаком показал мне, чтобы я сел рядом.

– Старлей, знаю из твоего личного дела – ты мужик бывалый, поэтому скажу как есть, – майор рассматривал электронную карту на своем планшете. Увеличил масштаб на какой-то деревеньке. – Вот, – он ткнул в нее пальцем, – здесь в окружении сидят наши ребята, их надо во что бы то ни стало вытащить. Понимаешь?

Майор перешел с официального тона на человеческий.

– Знаю, что вывести из окружения такими силами, как я тебе даю тяжело, но больше у меня нет. Бери только “трехсотых”, “двухсотых” оставь там, иначе не выберетесь. Все одно на своей земле. Пройдете к ним, дашь координаты для коридора, мы там беспилотники пустим, часок поутюжат вокруг, и сразу пойдете обратно с ребятами. Как, справишься?

– Справлюсь, куда же я денусь. Сын у меня там, – я чуть помолчал, затем добавил, – Михаил Никольцев. Вот и весь сказ, майор.

Он немного помолчал, носком берца рисуя на песке какие-то линии, потом взглянул мне в глаза.

– Понимаешь, старлей, не мне объяснять тебе, взрослому мужику, но я все-таки скажу, может поможет: наша вся жизнь устроена с оглядкой на земное притяжение. Так Господь сотворил. Не упасть страшно, в конце-концов всех нас

земля к себе тянет, и всякий поскользнуться может, а не подняться, потому что это означает конец. Не бывает, что сил нет подняться, а бывает только, что нет воли встать. Вот гони это от себя, слабость эту куда подальше, поскольку враг человеческий ее нашептывает, Господу нашему Иисусу Христу показать хочет, что слабые у него дети, недостойные Его. Что бы ни случилось, выведи всех ребят отсюда.

Он убрал планшет в рюкзак. Молча предложил мне сигарету, закурил.

– Отдохните, и в 23-00 выступайте. Шум поднимать не будем, туда без огневой поддержки пойдете. Обратно должны вернуться до рассвета. Мужики у тебя во взводе опытные, все воевали, есть из кого выбрать, так что по-тихому пройдете.

– Понятно.

– Удачи вам, – он серьезно посмотрел на меня и добавил, – возвращайся, старлей с сыном, – он хлопнул меня по плечу, встал и пошел к БМП.

Я встал на прощание, проводил взглядом запылившую в сторону Волги БМП. Ко мне подошел полковой батюшка, встал рядом, тоже провожая взглядом майора.

– Философ, однако наш майор, – произнес я как бы в воздух.

– Он через самое страшное прошел. – Батюшка погладил свою окладистую бороду и добавил, – полгода назад под Астраханью сын его погиб. Геройски погиб. Майор с тех пор

смерти ищет, в какие только передраги не влезал... Или сын помогает, хочет чтобы отец побольше молодых душ сберег, или у Господа еще какая причина есть.

Я так и не понял знает бабушка про моего Мишу, или к слову пришлось.

– Благослови, отче.

– “И сказал Иисус сотнику: иди, и, как ты веровал, да будет тебе”. Ступай, сын мой, все будет хорошо, Господь с нами. – Он перекрестил меня.

Уже через час я подобрал трех толковых тридцатилетних мужиков из числа бывших ВДВшников. Мы подробно изучили карту и наметили путь. Идти предстояло около одиннадцати километров в одну сторону, это примерно четыре часа хода туда через позиции моджахедов и около пяти с половиной часов, если будут раненые, обратно. Есть ли у них раненые и убитые мы не знали. Я дал команде приказ отдыхать до 21-00. Как ни странно в 15-00 небо по-питерски затянуло тучами, солнце скрылось и пошел мелкий дождь. Наш повар из местных сказал, что для начала осенних дождей еще рано, поэтому это просто мелкий летний дождик. Но дождь и не думал переставать. Нам это на руку: стемнеет раньше, рассветет позже. По туго натянутой крыше палатки шелестящими волнами сеялся мелкий дождик.

В 23-00 мы выступили под прикрытием мокрой темноты. Обойдя авангард моджахедов, заглушая сканеры пространства, в изобилии расставленные ими по периметру своих по-

стов, мы подошли к позициям, тех кто удерживал ребят в окружении. Без единого выстрела группа дошла до деревни, где должен был находиться Миша. Моджахеды, видимо уверенные в том, что никто в деревню и из нее не пройдет незамеченным, постов не выставили, а только натыкали везде сканеры, которые мы легко нейтрализовали. Пройдя метров триста, я увидел выведенную на очки информацию, что впереди находятся два наших бойца. Их чипы, вживленные под кожу, выдавали ответ “свой” на запрос наших сканеров. Основные их физиологические параметры были в норме.

– Внимание, впереди дозор наших, – очень тихо произнес я в микрофон штурмового шлема. – Приготовиться к встрече. Не забываете, у ребят не работают средства связи и индивидуальные боевые модули. Короче, помните, они нас могут признать за своих только при визуальном контакте.

Мужики также шепотом поочередно ответили: “принято”. Все прошло гладко, без выстрелов и мордобоя. Мы подползли на расстояние 20-30 метров, и негромко назвав себя, отборным матом ответили на вопрос чем докажете, что свои.

Штаб они себе оборудовали в подвале старой школы. Миша после боевого дежурства отдыхал на принесенных из спортзала старых матах. Уставшее лицо его озарилось широченной улыбкой, когда он, продрав глаза, понял кто перед ним стоит. Мы крепко обнялись. Я же был счастлив так, как наверное не был счастлив никогда.

– Пап, ты как здесь оказался? – ошалело спросил Миша. –

Вы же с мамой ничего не говорили про то, что тебя отправляют сюда.

– Не хотели тебя обнадеживать. Вероятность, что я попаду к тебе в часть равнялась нескольким процентам, ты же понимаешь.

Я похлопал его по плечу. За время, которое мы не виделись, он сильно изменился. Взгляд стал увереннее и спокойнее что ли. Передо мной стоял мужчина. Главное, я не увидел в его взгляде страха.

– О нас после. Скажи, кто старший, сколько вас осталось, сколько раненых, сколько убитых? У нас очень мало времени, до рассвета мы должны уйти.

– Старший – сержант Воронов. Он сейчас подойдет. Личный состав в численности сорока трех человек, из которых десять “трехсотых”. Двое тяжело ранены. “Двухсотых” восемь.

Подошел сержант.

– Сержант Воронов, – несмотря на усталость, четко отпартовал он.

Нас окружило человек двадцать ребят, все кто не охраняет сейчас периметр деревни. Измученные, грязные, но теперь счастливые, они стоят и смотрят на нас, как на спасителей. Так оно и есть, мы пришли их спасти, но вот всем ли удастся выйти из окружения я не знаю, да и никто не может знать, кроме настоящего и единственного Спасителя, который наблюдая за нами, все уже знает, но видя как со-

противляются обстоятельствам, как сражаются люди, Он даст им шанс изменить свою судьбу, перебороть обстоятельства, и выжить.

Как только я подумал так, в этот самый момент, когда мы стояли в подвале, мне, словно вспышкой сигнальной ракеты выхваченное из мрака, предстало наше самое близкое будущее. Озарение длилось миг, но за эти доли секунды я увидел несколько оборвавшихся судеб. Несколько человек смотрело прямо, с профессиональной готовностью к драке, но не их оборванные судьбы привиделись мне, а вот среди лиц излучающих радость в данную минуту, три показалось мне как будто мертвыми. Почудилось, что они, так ждавшие спасения, и дождавшиеся нас, уже завершили свой путь. Тоже я почувствовал и про себя: безмерное облегчение и окончание пути. Мне стало легко и просто, я уже знаю, что совсем через короткое время вверю жизнь своего сына кому-то очень мудрому и надежному, тому, в ком уверен гораздо больше чем в себе. До этого я не думал о смерти, все мои мысли были направлены только на то, чтобы найти сына. Я просто не имел права умереть до сегодняшнего дня. Тем удивительнее и парадоксальнее было то, что я переживал сейчас.

– Сержант, доложите о составе бойцов, потерях, наличной технике и вооружении.

Сержант немного помедлил, посмотрел на своих ребят, как бы прикидывая.

– Я вам докладывал, товарищ старший лейтенант, – ви-

дя, что Воронов замешкался, ответил Миша, – сорок три человека, из них десять ранено, двое тяжело, восемь “двухсотых”. – На последнем слове Миша немного запнулся.

– Не “двухсотых”, а убитых, – поправил я. – Для вас, рядовой, это боевые товарищи, а не статистика потерь.

– Исправной самоходной техники нет, есть два крупнокалиберных миномета, но нести их на руках невозможно, сами знаете. – Доложил Воронов.

– Нет, сержант, кроме раненых брать больше ничего не будем. Как тебя зовут?

– Алексей.

– Леша, собери всех людей здесь через двадцать минут. Убитых похоронили?

– Нет, лежат в соседнем помещении, думали забрать с собой.

– Не сможем эвакуировать. Тела надо срочно похоронить. У вас двадцать минут на все-про-все. Я дам сигнал нашим о начале бомбардировки коридора, которым мы сюда прошли. Сделаю это только после сбора всех бойцов здесь. На расчистку коридора потребуется около получаса. За это время всем провести осмотр оружия и подготовиться к двенадцати километровому марш-броску. Идем двумя группами: авангард и основная группа. В авангарде четверо бойцов: старший – сержант Семенов из моей группы и Иванов. Воронов туда же. С четвертым определитесь сами. Замыкающий в основной группе я. Всем все понятно? Вопросы есть?

– Разрешите обратиться, товарищ старший лейтенант, – чуть подняв руку, на меня смотрел здоровый парень.

– Обращайся, но только по форме.

– Рядовой Александр Смирнов. Товарищ старший лейтенант, я могу нести одного раненого на себе. Так будет быстрее.

– Хорошо, Саша. Возьмешь неходячего легко раненного. Еще вопросы есть?

– Все, тогда через двадцать минут все здесь.

Слишком быстро моджахеды очухались. Определив участок, по которому велась бомбардировка, и сопоставив с координатами окруженного подразделения, они вычислили путь, по которому мы будем уходить. Здесь майор дал маху. Так как наши обеспечили хорошее радиоэлектронное покрытие, то моджахеды, не мудря особо, вдарили по нам из минометов с ближайших боеспособных точек. Таких оказалось две. Одна, правда уже была по сектору, пройденному нами десять минут назад, а вот вторая накрыла хвост основной группы, в которой шел Миша, его друзья Санек, Славян и я. Как оказалось, это Славяна, раненого в ногу вызвался нести Санек. При первых же разрывах, мы бросились в ближайшую еще дымящуюся воронку. Я закрыл Мишу собой. Мины с мерзким шелестом летели со стороны Волги, с тупым звуком врезались в землю и через доли секунды взрывались. Одна тяжело ухнула совсем рядом. Почти одновременно с ударной волной мне обожгло левое плечо. Кровь я

почувствовал, когда она чуть остыв, тонкой струйкой стекала по спине. Похоже крови было мало. Боль появилась чуть позже. Если бы я не закрыл Мишу, осколок угодил бы ему прямо в голову. Мины рвались плотно ложась вокруг нас, но минут через пять моджахеды перенесли огонь дальше, вслед ушедшей основной группы. Поочередно просматривая состояние идущих ребят, я удостоверился, что все они благополучно прорвались.

После того, как минометный огонь переместился, мы начали двигаться. Миша пошевелился пытаясь выбраться из под меня. Я попробовал перевернуться на правый бок. Сильная боль парализовала тело. Невольно вырвался стон.

– Пап, что с тобой? – Миша поднял голову и сильно скосясь посмотрел на меня через плечо. – Тебя ранило?

– Да, задело немного.

В шоковом состоянии Миша начал бестолково шарить по своим карманам в поисках чего-то. Внезапно обстрел закончился и издалека послышались голоса. Разговаривали на каком-то из тюркских языков. Мне сразу стало понятно, что это группа зачистки. Я схватил его за руку и крепко сжал, чтобы успокоить.

– Миша, ты сейчас возьмешь ребят, и вы быстро, очень быстро пойдете, нет, побежите вслед за основной группой, – как можно спокойнее и увереннее тихо проговорил я. – Со мной вы не уйдете. Я закопаюсь, замаскируюсь и буду ждать помощи. Нет, слушай меня, – оборвал я грозным шепотом

начавшего было возражать Мишу. – Ты очень нужен матери. Она одна, я не смог ей помочь... сейчас, а ты должен. Я все что мог тебе дать – дал. Если со мной что-нибудь случится, то ты один, без меня справишься. Запомни: ты теперь сам со всем справишься. Все. Бегите, – я начал хлопать сына по плечу отталкивая.

От боли в глазах темнело, но мне надо было его прогнать от себя. Пытаясь улыбнуться, я смотрел на сына. Мне стало нестерпимо жалко себя, и я стиснул зубы, чтобы не заплакать. Я совершенно точно знал, что вижу Мишу в последний раз, что больше никогда не увижу жену, родной город, солнце, своих внуков. И может если бы не было напротив Миши, я наверное заплакал бы, но я не хотел, чтобы мой сын жил с воспоминанием того, что его отец плакал в такой момент. А больше всего я не хотел показывать ему слабость, которая порождает страх. Страх убил бы его, если не сейчас, так через месяц. Но то чувство в подвале школы, подсказавшее мне, что с моим сыном будет все в порядке, дало мне силы спокойно отстранить его от себя.

– Идите, Миша. Вы за мной вернетесь. Четверых они обязательно заметят, поэтому я останусь.

– Санька убило, – коротко констатировал Славян.

Миша переполз к Саньку и стал его осматривать.

– Блин, точно. Осколок перебил шею, – подтвердил он.

– Так, – скомандовал я, – оставьте мне сан.пакет. Миша, ты бери Славяна и тащи его. Я их задержу. И теперь точ-

но без разговоров. Хватай его и тащи. У вас минут пятнадцать-двадцать – успеете.

– Пап...

– Все без “пап”.

– Славян, ты на одной ноге можешь скакать?

– Могу.

– Короче, я тебя поведу.

– Нет, не так, Миша. Сейчас подсаживай его на себя, и пока есть силы беги, иди к нашим.

Я смотрел как Миша, сгибаясь под тяжестью Славяна вылезает из воронки и бежит в сторону наших. Через секунду они растворились в чернильной темноте августовской ночи. Рядом лежал еще теплый труп Санька. Я про себя прочитал молитву за упокой его души, и меня немного отпустило. Я не стал перебинтовываться, потому что мне оставалось жить минут десять-двадцать. Судя по голосам, преследователи были уже где-то рядом, а данные геолокации показывали, что Миша со Славяном ушли недалеко. Я вколол себе обезболивающее, подождал тридцать секунд, и завалился на левый бок, правой рукой проверил автомат, разложил на площадочке, вырытой в теплой жирной земле дополнительные боекомплекты, две гранаты. После минометного обстрела ночь снова вступила в свои права. Постепенно стали слышны птицы, кузнечики, тихий шелест листвы и отрывистые фразы моджахедов. В голову пришла странная, по-своему дебильная, и высокопарная мысль, что эта диковатая

смесь райских звуков со звуками предвестников смерти не вызывает тоску, а наоборот как бы смягчает и настраивает на славный боевой конец моей в общем-то недолгой жизни. Какие-то миллисекунды блуждала эта мысль по извилинам мозга, а затем все мысли испарились и пришло спокойствие, которое говорило о наступлении времени исполнения моего предназначения.

Меня всегда удивляла безалаберность, с которой воюют эти все слуги Аллаха. Гортанно перекликаясь, они подошли на дистанцию броска гранаты. Наверное они шли цепью, прочесывая всю площадь минометного обстрела. Сначала я как можно дальше бросил гранаты, одну за другой, подождал, пока перестанут лететь осколки, и выглянув из своего укрытия, начал прицельно бить по огненным вспышкам, обозначающим захваченных врасплох и беспорядочно стреляющих моджахедов.

Х

Мы ушли на переформирование незадолго до того, как моджахеды начали наступление. Тем ребятам, которые сменили нас на передовой не повезло. Мало кто успел отойти. Мощнейшая огневая подготовка наступления сделала свое дело, многие остались лежать в своих окопах и блиндажах, не успев отойти на позиции второго эшелона обороны. За время многомесячного противостояния моджахеды очень точно определили геолокацию наших позиций, несмотря на всю

мобильность, которую мы применяли, меняя каждые три дня свое местонахождение, поэтому накрыло наших сразу и без шансов на организованное отступление. Двое ребят, которым удалось выбраться оттуда рассказывали, что “утюжили” их артиллерией, дронами, ракетами. Затем огонь перенесли вглубь нашей обороны, разнеся укрепления в клочья. После артподготовки механизированные части, в авангарде которых находились беспилотные танки, прошли маршем до Черного яра, где их остановили наши системы залпового огня, сосредоточенные южнее Сталинграда. Таким образом, Кавказский эмират сумел отодвинуть линию фронта вдоль Волги почти на двести километров от Астрахани. Как обстояли дела западнее мы не знали, у нас разрядились все источники электропитания. Как это иногда бывает на войне, атакующие странным образом обошли нашу базу стороной. Возможно из-за нашей незначительной численности, генералы эмирата просто пренебрегли необходимостью тратить на нас время, ради быстрого продвижения на север.

По окончании отдаленной канонады, длившейся три часа, наступило затишье, которое прервалось через час мощными разрывами уже гораздо более близкими. Эта артподготовка шла часа полтора. Сложно сказать почему, или из-за применения Кавказским эмиратом новых систем радиоэлектронной борьбы мы остались без связи, или из-за безалаберности нашего командования, которое не озаботилось дублированием каналов связи в своем глубоком тылу, но ни-

какой информации мы не имели с самого начала наступления моджахедов. Примерно через четыре часа к нам пришли первые отступающие: два парня-срочника без оружия. Они буквально чудом вырвались с передовой, бросив оружие на полпути, чтобы не мешало. Наш взводный арестовал их как дезертиров, и посадил в подвал школы. Еще через час подошел срочник, мужик лет тридцати пяти, назвался сержантом Ермоловым. Вся амуниция на нем была хорошо подогнана, автомат вычищен, а огромный тесак заточен не хуже катаны. Мы еще тогда пошутили, что теперь моджахеды пожалеют о том, что родились на свет. Его убило первым. Шальной снаряд, выпущенный танком-беспилотником, разнес его хорошо замаскированный наблюдательный пункт, который находился метрах в трехстах от деревни. Грохочущая лавина, обтекая нашу деревню, редко постреливая прошла на север мимо нас. Опять наступило затишье. Санек сказал, что может стоит попробовать прорваться к нашим, но начавшаяся теперь уже на севере канонада, поставила под сомнение своевременность этого плана. Мы решили выждать сутки-двое, возможно контрудар наших отбросит моджахедов обратно. Под утро следующего дня мимо нас на север пошли машины с войсками Кавказского эмирата. Они прошли также, как и танки. Мы решили, что через пару дней, когда активная фаза боевых действий завершится, а линия фронта еще не устоится, мы сможем прорваться к своим. Но к полудню наши надежды улетучились вместе с разездом мод-

жахедов, обстрелявших наш пост из легкого бронетранспортера. Они попытались въехать в деревню, но ребята отстрелили по ним пару гранат из подствольников. Активная защита бронетранспортера подорвала гранаты на подлете, но сканеры не успели засечь место, из которого наши стреляли. Скорострельная малокалиберная пушка бронетранспортера разнесла крайний дом в пыль. Моджахеды не стали больше испытывать волю своего Аллаха и очень быстро ретировались. Через час нас атаковала группа из одного обитаемого танка, трех беспилотных и двух бронетранспортеров. Я, Санек и Славян окопались в подвале жилого двухэтажного дома недалеко от въезда в деревню. Это был один из двух сохранившихся кирпичных домов.

Первый беспилотник появился один и без прикрытия. Пыля по центральной улице, он периодически поворачивал ствол пушки то в одну сторону, то в другую, как будто обнюхивая окрестности. Если сканер обнаруживал где-то движение или тепловое излучение, танк останавливался и стрелял туда.

– Старая модель, херня, – прошептал Санек. – Китайцы такие уже лет десять не применяют. У них с ходу стреляли, когда Екатеринбург штурмовали. Я помню. Жути они тогда на наших нагнали. С разумными железками воевать страшно.

Чувствовалось, что Саньку не по себе и он говорит лишь бы заглушить страх.

– Эти то что... , эти управляются с пульта, старье. У китайцев они на автопилоте работали. Наши рассказывали: в них влупишь херову кучу всего, а они пушками, пулеметами, если они не повреждены, херачат во все, что движется. Это китайцы им свое старье сплавил.

Мне тоже было страшно. Хотелось бросить все и бежать без оглядки от этих самодвижущихся стреляющих железяк.

– Говоришь с пульта управляются? – осведомился тихо я. – Славян, у нас где-то завалились гранаты с выносными системами РЭБ. Помнишь в учебке показывали?

– Ну, – не понимая к чему я клоню подтвердил Славян.

– Достань одну и посади гранатку где-нибудь приблизительно под этой железкой. Только зайди сзади. Стреляй и сразу уходи. Сможешь?

Славян со своей хладнокровностью, подходил для этого как никто лучше.

– Сделаем, – как всегда кратко ответил он.

– Мы сейчас его от Аллаха отключим, – увеличивая изображение на своем индивидуальном мониторе, с ехидцей произнес я. – Санек, приготовься саданешь по нему из “тяжеляка” пока он связь не восстановит.

“Тяжеляком” мы называли крупнокалиберный ручной гранатомет. Здоровенный Санек легко управлялся с ним.

– А я вас прикрою, – закончил я план.

Пару раз мне приходилось отсекать огнем моджахедов, когда они поменяв тактику шли за танком. После первой

неудачной попытки штурма моджахеды минометным огнем почти сравняли с землей обе двухэтажки и ближайшие строения в радиусе ста метров от них. Спасибо тем строителям, которые сделали в свое время высокий бетонный фундамент с узкими, как бойницы слуховыми окнами. Если бы этажность домов была выше, то их непременно завалило бы битым кирпичом, а так стараниями моджахедов мы получили великолепные укрытия и огневые точки. Мусор разрушенных этажей и три железобетонных перекрытия закрывали нас сверху от мелких и средних мин и снарядов.

Так мы сожгли две машины, пока Славяна не ранили в ногу. Я вызвал подмогу. Воронин пришел с тремя ребятами и занял подвал противоположного дома. Они успешно отбили атаку на северной стороне деревни. Это оказалось как нельзя кстати, времени хватило только на то, чтобы перевязать Славяна, как сразу появилась пара новых танков. Теперь за беспилотником шел обитаемый танк, прикрывающий его, что усложняло все дело в несколько раз.

– Славян, пропускай первый. Мужики, – обратился я к ребятам окопавшимся в школе, – к вам идет беспилотник. Мы его пропускаем, тут за ним полноценный идет, его попробуем с ребятами вальнуть. Сержант, вы там готовы?

– Готовы. Мы бьем по ходовой, останавливаем, а вы стреляйте по вооружению. У него активная защита в нескольких местах отстреляна. На вашей стороне как?

– Левый передний весь отстрелянный, пустые ячейки. У

него с нашей стороны пушка разворочена. Один пулемет поврежден, второй, похоже, действует. Ракет нет. Мы стрельнем по фронтальной и кормовой пушкам сначала гранатами из подствольников, чтобы защита его отстрелилась и сразу тяжеляком вдарим. До водилы не доберемся, но и хрен с ним, мы попробуем выбить все сканеры. Он у нас, сука, ослепнет и оглохнет, будет сидеть и молиться в собственном говне.

– Миха, вы стреляйте тепловыми ловушками перед ним и сзади. И сразу после этого лупим как договорились.

– Принято.

У Воронина сразу все пошло не так, что как ни странно и спасло нас. Кирюха, который нормально вышел на позицию, замешкался с выстрелом. То ли испугался, то ли еще что-то, но несмотря на взрыв на броне спереди, снаряд, выпущенный задней пушкой с секундной задержкой, разнес Кирюху на мелкие и не очень кусочки. Тут же одновременно выстрелили я и Славян, секундой позже Санек. Когда несколько кровавых ошметков упало возле нашей “амбразуры”, меня вырвало. Санек остервенело перезаряжал “тяжеляк”.

– Санек, остынь, – меня тоже колотило, но терять голову сейчас было никак нельзя.

Фронтальная пушка и какой-то из сканеров остались в рабочем состоянии. Выяснилось это секундами пятью позже. Третьего Воронинского паренька, Леху, с отчаянным криком выскочившего из подвала и выстрелившего из своего “тяже-

ляка”, разорвало ответным снарядом. Своеобразная дуэль и для танка закончилась плачевно. Лехина граната не только разворотила фронтальную пушку, но и слегка сковырнула набекрень башню. Санек выскочил из подвала и отчаянно матерясь, выстрелил в появившуюся щель под башней.

– Сука! Сука! – повторял Санек.

Он стоял перед мертвым дымящимся танком с опущенными руками и все матерился. Гранатомет валялся рядом в пыли. Башня почти съехала с танка и уткнулась одним из стволов в землю. Я осторожно подошел к танку и заглянул внутрь. Верхняя часть броневой капсулы развороченная взрывом была забрызгана кровью и мозгами находившегося в ней моджахеда, тело обгорело.

– Миха, уходите! – орал мне и Саньку Воронин. – Сейчас пехота может подтянуться.

Я развернулся, и пригнувшись побежал к Саньку. Он стоял выпрямившись во весь свой огромный рост, дико смеялся, грозил кулаком танку и матерился. Не долго думая я сходу дал ему в нос, чтобы он пришел в себя.

За все время пока мы находились на фронте, нам по сути не приходилось воевать по-настоящему, поэтому это небольшое сражение стало для нас настоящим боевым крещением. Сегодня на наших глазах страшно погибли товарищи, еще зеленые ребята, не успевшие пожить. Такие же как мы. Это стало для меня еще одним большим шагом по жизни. Я понимал Санька, Славяна, погибших Леху и Кириюху, Ворони-

на. Пришел страх смерти, но он не сковывал и обездвиживал, просто у жизни появилась граница, которой я не видел раньше. Я понял что “костлявая” рядом, и может забрать меня внезапно самым случайным и нелепым образом, оставив здесь жить, видеть, чувствовать, думать и слышать других то, что я уже никогда не увижу и не узнаю. В этот момент мне захотелось, чтобы Бог был, и следующая жизнь была, иначе то, что сегодня произошло с нами настолько бессмысленно и чудовищно, что лишает смысла вообще всю жизнь, и лучше сразу застрелиться. Я поверил в загробную жизнь, ведь тогда смерть ребят уже не кажется такой страшной в своей необратимости, а дверь которой они ушли, уже не просто нарисованная абстракция, как очаг в каморке Папы Карло, на самом деле за картиной находится настоящая дверь, и я, как всякий, в свое время открою ее. Теперь понятно, что надо идти по неизвестной дороге до настоящей двери, за которой меня ждет новая жизнь. Где-то в глубине, умом, я понимал, что сейчас эта пришедшая ко мне вера сродни анестезии, что она помогает переживать страшные моменты, и только. Бога я познал позже, когда оставлял погибать раненого отца.

XI

Мы с Саньком пережидали очередной обстрел в подвале небольшого частного дома, разрушенного, как, впрочем, и все строения в деревне. Старик Сергеич, которого мы знали еще по предыдущим переформированиям, сидел на лавочке

рядом. Он успел заскочить в подвал незадолго до того как мы после первых разрывов, бросившись на землю, приползли к знакомым развалинам, где под обгоревшими остатками когда-то хорошего кирпичного дома находился боковой вход в подвал. Ослабший, с редкой седой щетиной на бледном лице, Сергеич, откинув голову и едва касаясь затылком мокрого бетона, медленно курил под звуки взрывов и учил нас жизни. Вертикальный столб света от полуденного солнца едва освещал наше укрытие. Пыль, поднятая нами и взрывными волнами, неистово носилась в луче, вместе с сигаретным дымом создавая впечатление гигантского меча джедая, проткнувшего потолок нашего укрытия, и глубоко ушедшего в землю.

– Вы, ребята, помирать не торопитесь. Вам еще здесь надо дела поделать важные. – Глубоко затянувшись, он закашлялся, да так, что Санек его похлопал по спине, как если бы тот подавился.

– Какие такие дела нас ждут здесь, Сергеич? – Я взял у него наполовину скуренную сигарету и затянулся.

– Много дел у вас еще, ребяташки. Вам еще полюбить надо. Баб-то поди толком и не видели.

– Дочка у меня уже, – гордо ответил Санек. Потом немного замявшись закончил, – правда родилась уже после того как меня забрали, только по видеосвязи смотрел.

Сергеич покачал головой, как бы подтверждая свои мысли.

– А чего там учиться? В каждой второй книжке про это написано, – закутавшись в дым последней затяжкой, спросил я.

– Написано-то написано, но никто не научит тебя любить. В этом, брат, и наука, которую каждый сам проходит.

– Ты, Сергеич, хочешь сказать, что любви нельзя научить?

– Ну так, конечно. Это, кажись, единственная наука, которой нельзя научить. Читать, писать, числа складывать-перемножать, в космос летать – это пожалуйста, а вот любить – нет, поэтому книжек и фильмов про нее так много, что никто своей любовью научить не может. Ну дико звучит: “научить любви”, правда? У каждого человека она своя. Один раз приходит или несколько, это не важно, главное любовь раз, и пришла, она твоя. Запомните, ребята: никто не научит вас любить вашу жену. Вы ее или любите, или нет.

– Как это?

– А вот, Саня, ты свою жену любишь?

– Понятное дело, – широко улыбнувшись, ответил он.

– Это хорошо. А вот, допустим, женился ты по “залету”, по пьянке все получилось, и тебя с души воротит от нее, а она мать твоего ребенка, между прочим, а твоя мамка, допустим, учит: “Люби ее, сынок. Она такая красивая и хозяйственная”. Ты смотришь, действительно она и хозяйственная, и симпатичная, и тебя, и ребенка любит, а тебе она что пустое место. И ничего ты сделать с этим не можешь. И хоть будешь ее целовать и ласкать, как в книжках написано или в

кино, а милее она тебе не станет. Или наоборот: все говорят и плохая она, и дурная, и некрасивая, а тебе все нипочем. Жить без нее не можешь. Вот и получается, что любовь такая штука, которая только твоя бывает. И слова, и прикосновения всякие только твои, и никто тебя ничему в этом деле не научит.

– А как же: стерпится – слюбится?

– Да все также. Если и “слюбится”, так это у тебя слюбится, через какое-то время, через твое душевное движение...

Рядом ухнул сто пятидесяти миллиметровый. Нас слегка присыпало землей из дырки над головой. Все стихло, обстрел, похоже, закончился.

– Сергеич, вот ты сказал: “не торопитесь помирать”, а как же Родину защищать, если не быть готовым умереть?

Санек смотрел не на Сергеича а вглядываясь в световой столб, в котором после взрыва мириады частичек пыли плотной темной массой хаотично метались, гоняемые разными движениями потревоженного взрывом подвального воздуха, пытался что-то рассмотреть. Частички, отчаянно пометавшись, вылетали из света, уступая место новым.

– Саня, вся подлость ситуации заключается в том, что войну не мы, простые люди начинаем, а вот воюем за Родину мы, то есть народ, когда враг приходит в наши дома. В Великую Отечественную Гитлер начал воевать с Советами, а побежден был русским народом.

– Как это? – спросил я.

– Очень просто: нападал на Советский Союз, считая что русские его поддержат против “красного ига”, но слегонца ошибся. Никто не любит, когда их убивают, и русские тоже не исключение.

– То-то мы потеряли две трети страны и еще теряем, – зло ответил Санек.

– Не мы войну начали, но нам ее заканчивать.

– Чего же ты, Сергеич, не воюешь, а? – Санек теперь смотрел на него, а не на пыль.

– Какой от меня толк теперь? Я очень давно здесь родился, здесь и умру. А от вас сейчас какой толк? – Сергеич посмотрел на нас, а затем сам ответил на свой вопрос. – От вас тоже сейчас никакого толка нет. С “пукалками” против тяжелой техники вам ничего не сделать. Вы сюда придете, но позже, когда сможете не одной доблестью с голой жопой против ракет воевать, а так, чтобы враг в страхе бежал и желание воевать с нами у него ближайшие лет двести не возникло. Так всегда у нас: сначала нас бьют, а потом мы их. Только учиться для этого надо, а не на Бога надеяться. Бог он ведь возможность дает, а мы вольны этой возможностью воспользоваться или нет.

– Господь разве не всем управляет от начала и до конца, как нас учили? – Мне просто стало интересно, что Сергеич ответит на это.

– Всем, – покивал он головой в ответ, – но и наша воля есть. Господь просто знает, что случится дальше при том

или ином нашем выборе, но выбор все равно за нами. Ангелы-хранители борются с чертями всякими за наши души, вот мы и выбираем тот или иной путь. А черти – это, кстати, а может и некстати, наши несправедливо жившие предки. Поэтому борьба все время идет промеж наших бабушек-дедушек, а не каких-то абстрактных ангелов-чертей. Правда, по старинке удобнее все именовать, привычнее как-то.

– Уже лет сто это называется генетикой, – с усмешкой констатировал я.

– Зря смеешься, Михаил. Генетика влияет изнутри, черти и ангелы снаружи, а объект влияния – душа. Вот так все в жизни и происходит. Только ваша наука пока еще не доказала существование души, а умные люди две тысячи лет минимум об этом знают. Не гены борются, а души.

– А ты, Сергеич, кем станешь ангелом или чертом?

– Когда принял в душу истину, так больше старался не грешить.

– То есть в ангелы метишь? А ведь это ересь, Сергеич, ну если души предков чертями называть.

– Херня это все, – вдруг сказал, как отрезал, Санек. – Жизнь – есть сила. Нет жизни – нет силы. Нет силы – нет жизни. Все, привет семье. Родился я здоровым и сильным, значит Бог мне помогает, и дальше будет помогать, раз я за святое дело сражаюсь.

– За святое ли? Граница не промеж людей проложена, а внутри каждого. Убивать другого человека, разве это пра-

вильно?

– Нас убивают, и мы убиваем.

– Оно конечно так. Эта война на истребление, здесь себя отстоять надо обязательно. Да я и сам вас только что учил этому. Забыл. Совсем старый стал, – констатировал Сергеич. Он немного помолчал а потом неожиданно спросил меня, – ты думаешь почему у нас на гербе двуглавый орел?

– Ну, одна голова смотрит на запад, другая на восток, великая империя была, – повторил я заученную истину.

– Неправильно. Просто наша душа и разум смотрят в разных направлениях, у нас всегда все на разрыв, – загадочно заключил Сергеич.

У меня пришел вызов от Воронина. После артподготовки моджахеды не пошли в наступление как мы ожидали, а отошли, видимо решив сэкономить на технике и взять нас измором. Воронин приказал вернуться в школу на отдых. Сергеичу мы сказали, что нам пора уходить.

– Сергеич, пошли с нами, дня через два пойдем на север на прорыв к нашим, – предложил я ему.

– Спасибо, ребяташки, но я же вам говорил, что стар уже от смерти бегать, а вот вам доброго пути, – перекрестив нас, он закрыл глаза и застыл, как будто уже умер.

XII

После взрыва меня слегка контузило. Я почувствовал, как дернулся отец, прикрывающий меня своим телом. Когда

обстрел закончился, я начал двигаться, чтобы попробовать подняться. Отец тоже зашевелился, и с едва слышимым стоном отвалился на левый бок. Я приподнялся на локте и ощупал его спину. Правое плечо мокрое и тепловатое от крови, костляво топорщилось на ощупь. Не знаю почему, но ощущение у меня сложилось именно такое. Никогда раньше мне не приходило чувство окончательной уверенности в чем-то. Нет, бывало пару раз в детстве, когда я понимал, что мне сегодня, именно на этот День рождения не получить гироскутер своей мечты. Повинуясь какой-то неведомой силе, я просыпался рано, до того как мама с папой тихо войдут в мою комнату с подарком, и точно зная, что гироскутер, который я выпрашивал месяца два, родители мне не подарят, но не потому, что они этого не хотят, а просто потому, что у них нет на это денег, я лежал и ждал их прихода. Несмотря на его разговоры, уверенность в том, что мы с отцом видимся в последний раз была абсолютной и нерушимой. Лихорадочность, с которой я стал обшаривать свои карманы в поисках индивидуального пакета первой помощи, была следствием растерянности. Я совершенно не понимал, как мне жить дальше, когда отца через несколько минут или часов не станет. Уже обстрелянный, повидавший смерть, я чувствовал себя маленьким ребенком, которого оставляют одного неизвестно где и неизвестно насколько. Несмотря на темноту, мне удалось увидеть глаза отца. Кроме боли, в них проскользнула, как мне показалось, тоска, но тут же исчезла.

Взгляд его, как и голос был твердым и уверенным.

Я тащил раненного Славяна, даже тогда, когда сигнал отцовского маяка замолк, и дополнительное сканирование, запущенное мной, давало только один ответ о смерти сержанта номер такой-то. Слезы вперемешку с потом заливали лицо, дыхание напрочь сбилось из-за немых рыданий, еле волоча ноги я все же брел на север. Светало. Славян коротко попросил, чтобы я опустил его на землю, затем, обхватив меня за шею одной рукой, он сделал знак идти. Мы пошли быстрее. Славян молча скакал, опираясь на автомат, как на палку, а я затыкал в душе огромную дыру под названием “чувство утраты” мыслями о маме, о том, что я должен сейчас выжить, о том что должен создать что-то большее меня самого, о девушке, которую люблю, о новом искусстве “mindpower music”, которое поможет стереть границы между людьми...